



# Мусульманские СВЯТЫНИ Узбекистана







*Лидия Ртвеладзе  
Эдвард Ртвеладзе*

# **Мусульманские СВЯТЫНИ Узбекистана**

Главная редакция энциклопедий

---

Ташкент

Появление разнообразных архитектурных сооружений на территории бывшего Мавераннахра связано с развитием в данном регионе ислама. В настоящем издании представлена история возникновения наиболее интересных и значительных мусульманских святынь в Узбекистане.

ИБ № 130

М  $\frac{4402000000}{358 - 95}$

ISBN 5-89890-100-0

© Главная редакция энциклопедий, 1996

# МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯТЫНИ



Республика Узбекистан, занимающая, в основном, территорию между двух великих среднеазиатских рек — Амударьи и Сырдарьи, которую арабы называли Мавераннахр ("то, что за рекой"), исключительно богата мусульманскими архитектурными памятниками. Это здания светской, гражданской и культово-мемориальной архитектуры, дворцы и жилые дома, медресе и ханакы, мечети и минареты, чилляхана и завия, мавзолеи и мазары.

Возникновение памятников охватывает громадный период времени, начиная почти с первых веков внедрения ислама в Средней Азии и кончая 20 веком включительно. Многие из них до сих пор покоятся в земле, и археологам ещё предстоит решить вопрос о том, какой памятник мусульманской религии был впервые возведен на территории Мавераннахра. Уже в 8 в. н. э., возможно, даже в конце 7 в., в Бухаре, Самарканде и других крупных городских центрах на месте древних языческих храмов возводились первые мусульманские мечети, предназначавшиеся не только для завоевателей — арабов, но и для обращения в ислам местных жителей.

Появление разнообразных мусульманских архитектурных сооружений несомненно связано с проникновением и развитием ислама на территории Мавераннахра.

В этой связи необходима хотя бы краткая канва важнейших исторических событий, предшествующих появлению ислама и утверждению его здесь.

Средняя Азия — страна древнеземледельческой цивилизации, сложившейся здесь в эпоху бронзы, родина великих империй древности — Парфянского и Кушанского царств, одно из которых — Кушанское сложилось непосредственно в южных районах Узбекистана. После его распада в 3 в. н. э. на территории Среднеазиатского Междуречья возникло множество мелких владений, которые впоследствии, во второй половине 5 в., вошли в состав Эфталитского государства.

В начале второй половины 6 в. эфталиты были разгромлены кочевыми тюркскими племенами, в результате чего в некоторых областях Среднеазиатского Междуречья утвердились тюркские династии.

В первой половине 7 в., непосредственно перед набегами арабов, Среднеазиатское Междуречье представляло собой в политическом отношении конгломерат

мелких и крупных владений. Так, только в области Чача (современная Ташкентская область) существовало более десятка подобных владений, управляемых тюркскими и местными восточноиранскими династиями.

Наиболее крупными в Среднеазиатском Междуречье являлись владения согдийских ихшидов с центром в Самарканде, хорезмшахов со столицей в Гургандже (современный Куна Ургенч), бухархудатов с центром в Бухаре, чаганианских хидефов с одноименной столицей вблизи современного города Денау в Сурхандарьинской области.

Не менее пестрой была и религиозная жизнь. На большей части Среднеазиатского Междуречья исповедывали зороастризм, манихейство, вышедшее из зороастризма, но с иной социальной программой, питавшее идеями его основателя — Мани. В южных областях, особенно в Тохаристане, значительные позиции занимал буддизм. Так, по сведениям китайского паломника Сюань Цзяня, посетившего Среднюю Азию около 630 г., только в одном Термезе было более десяти буддийских монастырей и около 500 монахов. В некоторых районах Среднеазиатского Междуречья был распространен шиваизм.

В Самарканде и Чаче большое распространение имело христианство несторианского толка, а в Хорезме — мелкитство. В начале 7 в. Самаркандское епископство было преобразовано в метрополию, что свидетельствует о значительной роли христиан-несториан в этом городе. В тюркской среде были распространены языческие верования, связанные с почитанием верховного божества Тенгри.

Вместе с тем, у населения Среднеазиатского Междуречья продолжали сохраняться такие архаические формы, как анимизм и фетишизм, почитание Великой богини матери, сил природы, обожествление растений, животных и птиц. Эти верования оказали впоследствии значительное влияние на сложение культа святых в исламе, культа почитаемых мазаров, где особенно ярко проявляются домусульманские религиозные традиции.

В политической и религиозной ситуации Среднеазиатского Междуречья накануне арабского завоевания отсутствовало единство в том или ином отношении,



Развалины Старого Термеза. Рисунок Каразина. Нач. 20 в.



Бухара. Арк (Регистан).  
Репродукция из альбома  
Куна. Кон. 19 в.

что в значительной мере облегчило арабам завоевание этого региона. Однако этот процесс был отнюдь не легким, он сопровождался непрерывными опустошительными войнами, героическим сопротивлением местных жителей и продолжался в общей сложности более ста лет.

Арабам, после того как они вышли за пределы Аравийского полуострова, противостояла мощная держава — Сасанидский Иран. Спустя некоторое время после вступления на престол последнего сасанидского шаха Иездигерда III (632 — 651 гг.), начались походы арабов на Иран. В битвах при Кадисии в 638 г. и Нихавенде в 641 г. сасанидские войска были наголову разбиты, а сам Иездигерд бежал в Мерв (ныне городище Старого Мерва вблизи г. Байрам-Али в Туркменистане), где он был убит, по одним данным, местным мельником, прельстившимся его богатым одеянием.

К 651 г. арабы захватили весь Северный Хорасан, в том числе Мерв, который стал их опорной базой. По словам выдающегося русского ученого В. А. Жуковского, "он был естественным базисом, откуда арабы распространяли свое владычество в Туркестан".

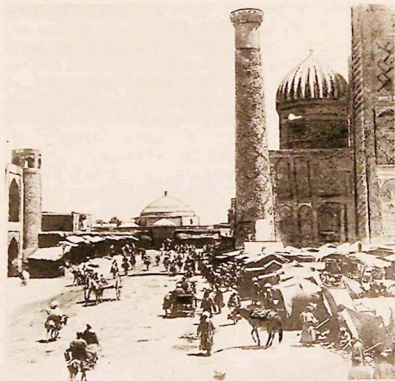
Ранние походы арабов на Мавераннахр носили характер грабительских набегов с целью добычи имущества и захвата людей. По данным письменных источников, первым арабским полководцем, переправившимся через Амударью, был ал-Хакам ибн Амр ал-Гифари и он же был первым, по свидетельству ал-Балазури, кто прочитал мусульманскую молитву по ту сторону Джейхуна на территории нынешнего Узбекистана.

Произошло это событие в правление первого омейядского халифа Муавии, немногим ранее 670 г., так как в этом году ал-Хакам ибн Амр ал-Гифари скончался в Старом Мерве. Ал-Гифари ("знаменосец ислама") был ревностно

преданным мусульманином и не случайно его могила в Старом Мерве до сих пор пользуется исключительным почитанием. Характерен в этом отношении эпизод, рассказанный Табари. На требование наместника Хорасана о передаче добычи халифу Муавии, ал-Хакам ответил: "Ты отправил мне послание амира верующих, согласно которому я не должен трогать ничего из добычи, пока не выберу золото, серебро и редкости для амира верующих. Однако для меня послание Аллаха важнее послания амира верующих"(подчеркнуто нами — Э. Р. и Л. Р.).

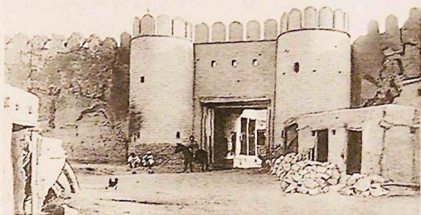
Особенно активно арабские племена стали проникать в глубь Мавераннахра при наместнике Хорасана Убайдуллахе ибн Зияде и его преемниках Саиде ибн Усмани и Сальме ибн Зияде. Эти набеги сопровождались грабежом и погромами городов и селений, захватом пленных, уплатой громадного выкупа. Так, только правительница Бухары Хутак Хатун заключила мирный договор с арабами на условиях выплаты им 1000000 дирхемов.

С 670 г. арабы ежегодно по несколько раз предпринимали набеги на Бухару, Пайкент, Самарканд, Термез, Хорезм, увозя отсюда громадную добычу. Причем, в поход отправлялись уже не только отдельные воины, но зачастую целые семьи. Так, по сообщению ал-Балазури, во время похода Сальма ибн



Самарканд. Серебряные ряды. Фото кон. 19 в.

*Бухара. Крепостные ворота. Фото кон. 19 в.*

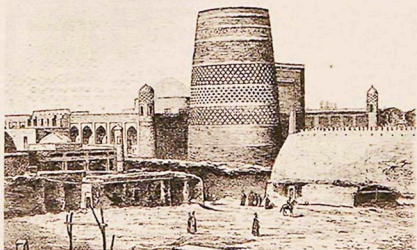


Зияда на Бухару в 676 г. вместе с ним была его жена, которая стала первой женщиной мусульманкой, перешедшей через Амударью.

При Сальме ибн Зияде арабы впервые перезимовали в Мавераннахре, а не ушли, как обычно, на зимовку в Мерв. Последующая затем общая смута в халифате и межплеменная борьба в Хорасане между двумя наиболее влиятельными арабскими племенами мударитов и рабия на время приостановили продвижение арабов в Мавераннахр и закрепление здесь ислама.

Активные их походы в эту область возобновились лишь в самом конце 7 в. при наместнике ал-Мухаллабе, но надолго они закрепились лишь только в Термезе, который в 689 г. захватил Муса ибн Абдаллах, управлявший этим городом в течение 15 лет. Его власть была настолько здесь прочной, что харадж и джизия

*Хива. Кальтаминор. Рисунок неизвестного художника кон. 19 в.*



— виды налогов, взимаемые арабами с местного населения, стали поступать не в казну халифов, а в Термез к Мусе.

Одновременно с походами арабов началась исламизация местного населения, по-видимому, еще во второй половине 7 в. Трудно предположить, к примеру, чтобы в период почти двадцатилетнего господства в Термезе и его округе арабов, в ислам не был обращен ни один местный житель и не было построено ни одной мечети. В то же время, в период своих ранних походов, которые, по мнению исследователей, продолжались с 644 по 704 гг., арабы еще не преследовали цели полной исламизации местного населения и подчинения среднеазиатских областей Халифату. Эта задача была поставлена на втором этапе завоевания Средней Азии, после 704 г., когда руководителем военных кампаний против народов Мавераннахра был Кутейба ибн Муслим. Талантливый и жестокий полководец, он в течение восьми лет совершил походы почти во все области Мавераннахра от Хорезма до Чаганиана, разгромив многие города и селения, уничтожив массу людей, сжег целые библиотеки древних рукописей, как это было в Хорезме.

Военным успехам Кутейбы способствовало то обстоятельство, что многие местные феодальные правители выступили в союзе с арабами против соседних владений.

Одновременно Кутейба ибн Муслим проводил жестокую политику насаждения ислама, именно при нем осуществилось строительство первых мечетей на местах языческих храмов.

После убийства Кутейбы в 712 г. своими сородичами за жестокое обращение с ними, походы арабов не остановились. Они приобрели еще более планомерный и целенаправленный характер. К середине 8 в. арабы захватили почти весь Мавераннахр, где их интересы столкнулись с экспансионистской политикой империи Тань. В 751 г. в битве при Таласе арабы разгромили китайцев, тем самым положив конец их движению в Среднюю Азию. В результате ни у самих арабов, ни у ислама не было более соперников, способных противостоять им. К 9 в. ислам становится господствующей религией населения Средней Азии, хотя еще в течение нескольких столетий в ряде районов существовали отдельные зороастрийские секты, а в широкой народной среде сохранялись пережитки древних религий и верований.

Таковы основные события истории Средней Азии накануне внедрения ислама и первые его шаги на территории нынешнего Узбекистана. История же сооружения мусульманских святынь и связанных с ними событий подробно изложена в Каталоге, охватывающем наиболее интересные и значительные памятники ислама в Узбекистане.



*"Возликуй, о золотая Бухара:  
Падишах к тебе, венчанная, приходит.  
Он, как тополь; Ты, как яворовый сад:  
Тополь в мир благоухания приходит.  
Он, как месяц; Ты как синий небосвод.  
Ясный месяц в небо раннее восходит".*

РУДАКИ.

Бухара — "опора Ислама", так на протяжении более тысячи лет называли город сотен духовных учреждений, святых мест и связанных с ним удивительных легенд.

Старинные фотографии запечатлели волнистые цепи зубчатых стен (в пределах которых город просуществовал более двух тысяч лет), бугристые купола базарных сооружений, сверкающие порталы и купола мечетей и медресе, доминирующий силуэт минарета Калян над плоскими сотами жилых кварталов. На протяжении всей своей истории город неоднократно горел, разрушался и снова на руинах возрождалась жизнь. Пятнадцатиметровая толща культурных напластований под современным асфальтом — это ли не доказательство бессмертия благословенного города! В нее вросли сохранившиеся здания 10 — 12 вв., такие как мавзолей Саманидов, мечеть Магоки Аттари.

В Арке — древней цитадели начиналась древняя Бухара, основание которой легенда приписывает Сиявушу: "Он (Сиявуш) украсил город высоким дворцом, садами плодовыми и цветниками драгоценными". Именно здесь, считают исследователи, была колыбель арийского мира. Именно здесь, утверждали древние историки, расцвел рыцарский церемониал.

В 10 в. Абубакр Наршахи в "Истории Бухары" очень живописно описал картину жизни правительницы Бухары 7 в., вдовы бухархудата царицы Хатун. Дважды в день её вывозили из цитадели на Регистан, где она садилась на трон в окружении двухсот молодых людей из знати. Они стояли в два ряда, опоясанные золотыми поясами, с саблями, привешенными к поясу. Вечером они возвращались в свои селения, уступая очередь другим подданным. И спустя многие столетия сохранялся этот церемониал с небольшими изменениями.

Жизнь в защищенном мощными крепостными стенами городе казалась совершенно безопасной, но из-за феодальной разобщенности Бухара не смогла уст-



*Панорама Бухары. Фото кон. 19 в.*

оать перед четырехкратным натиском арабских войск. Преследование жителей, пирамиды из черепов, превращение местных жителей в рабов — такова горькая участь бухарцев в период арабского и монгольского завоеваний. Но вопреки всем событиям город рос сказочно быстро. Духовенство, пользуясь покровительством монголов, строит медресе и мечети. И уже в 14 — 15 вв. Бухара становится религиозным центром страны, благодаря деятельности Бо-хауддина Накшбанди.

На некоторое время столичное первенство переходит к Самарканду, но уже с 16 в. Бухара снова обретает статус столицы узбекского государства шейбанидов и аштарханидов.

С высоких стен цитадели мы видим, как в сложном силуэте города зримо отразился след пронесшихся веков, где не макеты зданий огромного архитектурного музея, а живой подлинник древней Бухары сосуществует с новым городом.

С минаретом Арсланхана, вершина которого, якобы, находится на уровне Самарканды, связано много легенд. Создатель архитектурного шедевра — "жемчужины средневекового Востока" — устод Баки. С его именем связано замечательное предание о самоотверженном зодчем, не пошадившем жизни своей во имя сохранения и передачи ученику секрета строительства минаретов.



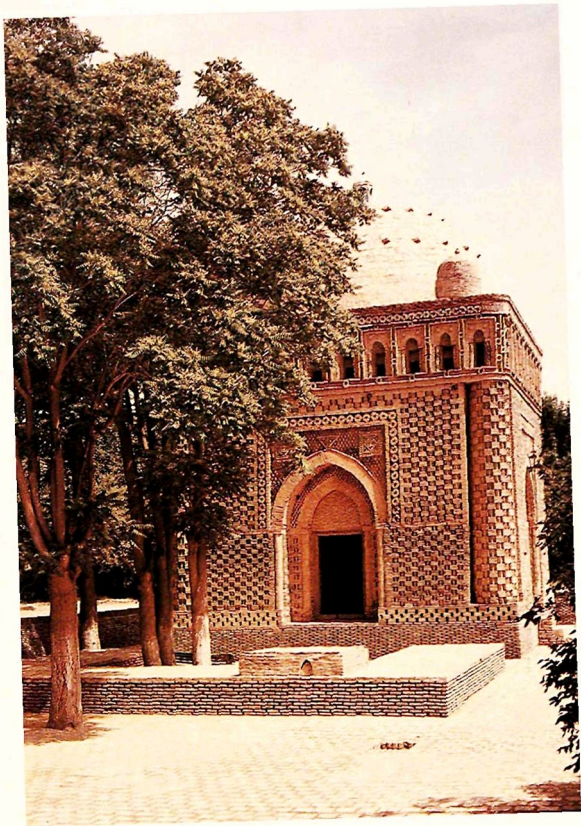
В 9 в. в период правления Саманидов передовые идеи просвещения, искусства, прославления человеческой личности ярко отразились в архитектурных сооружениях. В мавзолее Саманидов не найти ни цветных облицовок, ни росписей, он впечатляет лаконичной изысканностью форм, а искусная кирпичная кладка напоминает узорчатое плетение. Благодаря этому узору приземистое здание кажется легким, нарядным, наполненным светом, наглядно олицетворяя бес-  
смертные рубаи современника Омара Хайяма:

*Мы — цель и высшая вершина всей вселенной,  
Мы — наилучшая краса юдоли брэнной,  
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,  
В нем, без сомненья, мы — камень драгоценный.*

К святой могиле Исмаила Саманида стекались ищущие правосудия, считалось, что и после смерти он не ушел от дел управления государством.

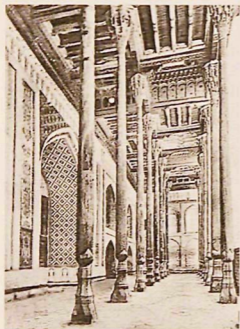


Священный хауз у мавзолея Самани-  
дов. Фото кон. 19 в.



В этой цитадели начиналась более двух тысячелетий назад древняя Бухара. Здесь, по преданию, находилась могила Сиявуша, легендарного основателя города. Здесь жила и правила в 7 в. н. э. царица Хутак Хатун, хитростью и дипломатией в течение нескольких лет оборонявшая Бухару от арабов. Средневековый историк Наршахи писал об этих событиях: "Аллах вселил страх в сердца неверных, и они ушли, не приняв боя".

Остатки бывших крепостей и дворцов скрыты в археологических слоях Арка. В позднее средневековье здесь обитали бухарские эмиры. Рядом с воротами, со стороны площади Регистан висела огромная плеть — камчин, как грозное напоминание о власти эмира. От прежней плотной застройки в Арке сохранилось лишь несколько зданий. На верхней террасе Арка — Нагорахане круглосуточно исполнялись макомы. Трофейные часы — куранты (сделанные в 19 в. пленным итальянцем Орланди) звонили каждый час на колокольнях и пять раз в день в галерее появлялись азончи, возвещавшие о начале молитвы. Во время Рамазана или Курбана и других праздничных событий играл оркестр с четырехразовой сменой занавеса и одежды музыкантов — светлые, желтые, багряные и темные. Площадь перед входом в Арк — Регистан была главной ареной всех событий города, не раз она обогащалась кровью.



Арк. Фрагмент тронного зала. Фото кон. 19 в.

Старая Бухара. Уличные торговцы. Фото  
кон. 19 в.



Это единственный сохранившийся на Регистане памятник. Живописная мечеть с многоколонным айваном, миниатюрным минаретом возле выложенного камнем пруда являлась соборной и для совершения пятикратных намазов. В торжественные дни сюда по дороге, устланной коврами, спускался из Арка эмир.



Наршахи Кубави приводит сведения о ней как мечети Мах (Луны), построенной на остатках домусульманского храма. Рядом с ним был базар, где торговали идолами, лекарственными снадобьями и пряностями (Аттарон). В 16 в. мечеть была перестроена. К этому времени южный портал ушел в землю на 6 — 8 метров.

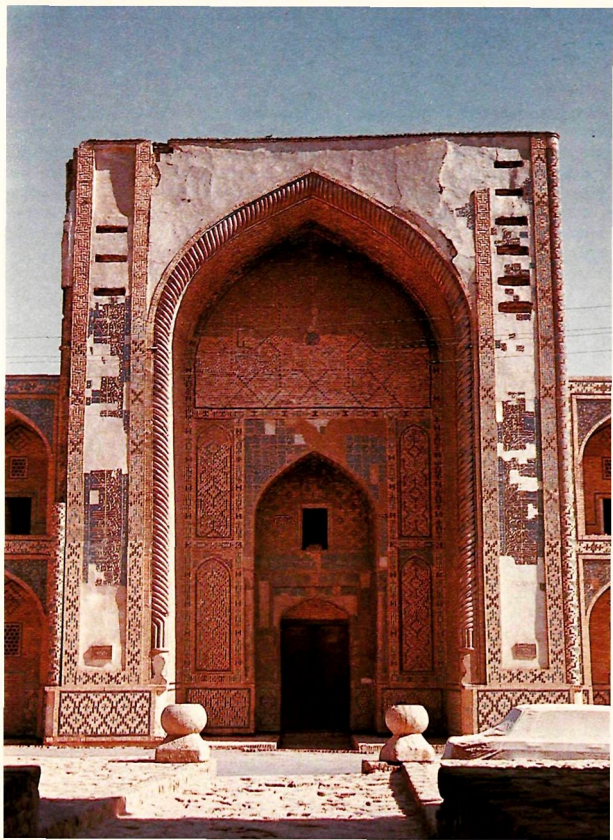
Самой замечательной особенностью этого памятника было его мозаичное панно из кирпичиков разнообразной формы.



"Над кругом людей, осведомленных в книжной мудрости, да будут каждый миг открыты двери божьего благословения". Эти слова начертаны над входом медресе, построенного внуком Тимура — Улугбеком, выдающимся математиком и астрономом. Строитель медресе — зодчий Исмаил, сын Тахира, исфаганец, умело сочетал архитектуру с декоративным убранством. Поэтому, несмотря на скромный орнамент главного фасада, астральные мотивы, его отличает от других 180 медресе особая изысканность, ясность архитектурного членения. Тихая монастырская жизнь протекала в молитвах — в мечети, лекциях — в дарсхане, беседах в тенистых лоджиях — галереях.

*Торговая площадь у стен медресе Улугбека.*





В прошлом столетии оно называлось медресе Заргарон, так как было построено рядом с базаром ювелиров, напротив медресе Улугбека. По замыслу строителей оно должно было затмить своим творением прекрасное сооружение зодчих 15 в. В нем поражает разнообразие декоративного убранства как главного фасада, так зимней и летней мечетей. Усилиями архитекторов и художников создано удивительно яркое праздничное сооружение с довольно светлыми и удобными худжрами для учащихся. Их творение, сияя многоцветием орнаментов, стоит безмолвным символом нестареющего всепобеждающего искусства.

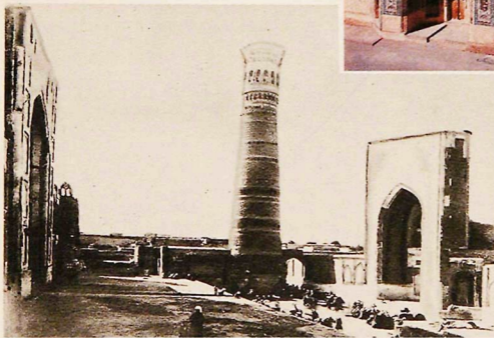
Ансамбль у медресе Абдулазизхана. Кон.  
19 в.



Обширный двор мечети — масджиди Калян снова, как и прежде, заполняется народом в дни праздничных молитв. Эта соборная мечеть была построена на месте старой, домонгольской, и по грандиозности уступала только мечети Биби Ханым (в Самарканде) и Джума мечети (в Герате). Её площадь составляет 130 x 80 метров. Мечети принадлежит минарет Калян. Скромное обрамление входа сменяется изощренностью дворовой композиции. С бездонным небом сливается голубой купол здания мечети. Изумительны перспективы пронизанных светом галерей, на аркадах которых покоятся двести восемьдесят восемь куполов. В затейливо украшенной михрабной нише имам, в соответствии с установленным ритуалом, читает молитвы и проповеди.



Площадь Калян в дни молитв. Фото кон. 19 в.



В "убежище Ислама" было около 180 больших и малых медресе, среди них Мири Араб — одно из крупнейших. Оно было построено по заказу шейха Абдуллы из Йемена (Мир Араб) на средства Убайдуллахана. Древние зодчие оригинально придумали внутреннее освещение. Садриддин Айни писал: "Когда с дневного света входили сюда... казалось, что призраки разбегаются и замирают в углах. Окон не было, лишь алебастровая панджара выходила внутрь огромного купола над мечетью Мири Араб, и, если взглянуть туда, страх возрастал, словно заглядываешь... в потустороннюю сферу мироздания". Но именно это медресе дало мусульманскому Востоку наиболее просвещенных деятелей религиозной науки, поэзии, культуры.



*Медресе Мири Араб. Фото кон. 19 в.*



В состав ансамбля входили крупнейшее в городе медресе Кукельдаш (1568), рядом с ним медресе Кози Калона Насреддина. Напротив два здания, возведенные на средства ханского визиря Надира Диванбеги — медресе и ханако Диванбеги. Между ними расположен крупнейший хауз Диванбеги.

Хауз во все времена — наиболее любимое место всех жителей Бухары, всегда страдавших от жары и зноя. Венгерский ученый Арминий Вамбери в середине прошлого столетия, описывая Ляби Гауз Диванбеги, как самое прелестное место в Бухаре, в тени прекрасных вязов которых в чайной лавке около огромных русских самоваров можно было послушать медда (публичных чтений), принять участие в религиозных диспутах, о которых так красочно писал Абд ар-Рауф Фитрат в "Рассказах индийского путешественника".



Ансамбль Ляби Хауз. Кон. 19 в.



Это самое большое медресе в Бухаре (80 x 68 м), построенное по схеме восточного вуза — интерната. В нем 140 худжр, где учащиеся — муллобачи проводили почти всю жизнь, то есть около двадцати лет, по окончании которого им присваивалось звание мударрис. Благодаря заслугам выдающихся деятелей средневековой Бухары, в 19 в. сюда стекались для обучения не только с окраин Бухарского эмирата, но и со всех концов Средней Азии, Оренбурга, Казани и даже из Крыма.

Муллобачи жили в худжрах, располагавшихся в два яруса, имевших выход в лоджии. В них было достаточно светло и удобно, стены часто украшались росписью и резными алебастровыми панелями. В дарсхане лекции проходили в форме вольного диспута, в котором мударрис приучал студентов к живой полемике, остроумию и находчивости.



*Фото коп. 19 в.*

Это медресе — своеобразный архитектурный феномен. Оно строилось как караван-сарай, а на торжественном его открытии провозглашено Имам Кулиханом как медресе. В нем нет обычных для медресе мечети, дарсханы, ишон-сарая. Но его отличает необычный для Бухары мозаичный тимпан портала: фантастические птицы, несущие в когтях белых изящных ланей.

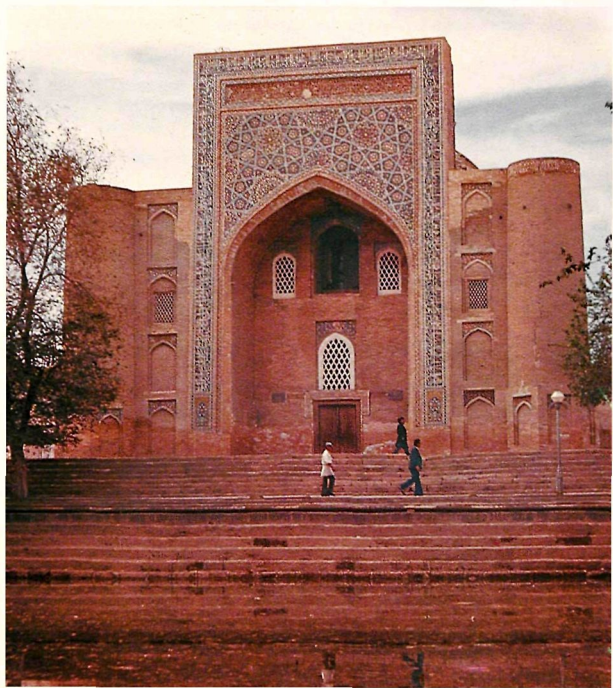


Многие столетия в зеркале хауза отражается стройный портал, затканый майоликовым гирихом с неперменной тутовой корягой на переднем плане. Мечеть Масджиди Калян называет ее венгерский дервиш Арминий Вамбери, где в тени деревьев "актеры представляют геройские подвиги знаменитых воинов и пророков, и никогда не ощущается недостатка в толпах любопытных слушателей и зрителей". Здесь читались стихи Фитрата:

*Эй ты, медресе!  
Эй ты, монастырь!  
Эй ты, мечеть и минбар!  
Вы тратили энергию несметно  
И боролись беспощадно  
На религиозном фронте ...  
Почему же сегодня вы неподвижны и молчаливы?*



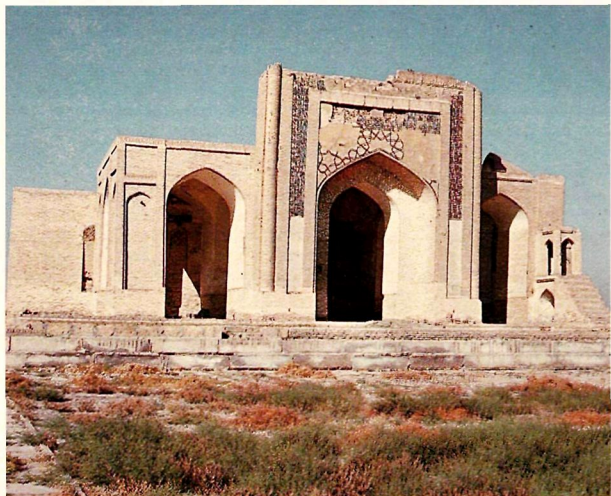
Сцена жизни конца  
19 в.



В 12 в. на месте бывшего царского сада Шамсабад у ворот Ибрагим (позднее ворота Намазгох) устроили место для проведения ежегодных праздничных намазов, которые по правилу проводились за пределами города. Еще в начале века в джумахане Намазгох в дни молений устраивалось народное увеселение Кокбари (козлодрание).



*Водоносы у хауза. Кон. 19 в.*

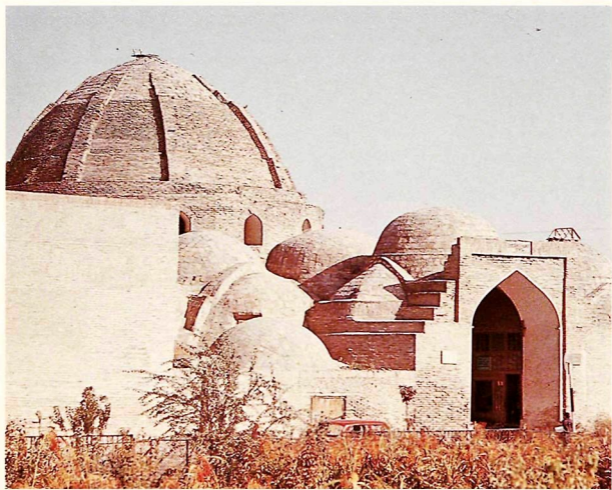


Бухара, наряду с мечетями и медресе, всегда славилась своими базарами, располагавшимися по главным магистралям. Стесненные лавками, ремесленными мастерскими они всегда кишели толпой всадников и пешеходов, скоплением груженных арб, верблюдов. Еще недавно здесь можно было купить все: от тончайшей фарфоровой посуды, индийской кисеи до эффектных мальтийских шалей. Над пересечением базарных улиц строили базарные купола типа пассажей.

Базарный купол Таки Заргарон (ювелиров) разделял улицу между ансамблем Пои Калян и Кош медресе (Улугбека и Абдуллазизхана). На этой трассе сохранились еще два торговых пассажа, оставшиеся от конца 16 в. — Таки Тельпак Фурушон (продажа головных уборов — тюбетеек, чалм), Таки Саррафон. Под сенью купола Таки Саррафон совершались валютные операции, где индусы — менялы без всяких затруднений меняли, скажем, фунты стерлингов на золотые турецкие лиры. Какое же это было живописное зрелище, по описанию всех путешественников: бухарцы, с их ослепительно белыми тюрбанами, в шелковых халатах, длинноносые китайцы в широких кафтанах и юбках, туркмены в высоких папахах, индийские парсы в шитых золотом туфлях...

Все эти магистрали особенно оживлялись в дни богомоления, когда толпы, увлекаемые муллами и кортежем эмира и его придворных, устремлялись в загородные мечети. Во вторник и среду они направлялись через мазарские ворота на Бахаутдин.

*Фото кон. 19 в.*



Чрезвычайно почитаемый в Бухаре шейх Бахааддин Накшбанди (умер в 1389), духовный наставник Тимура, был в молодости ткачом, изготовлявшим шелковую материю с золотым шитьем, стал впоследствии покровителем ремесел. Поклонение святой могиле шейха приравнялось хаджу в Мекку.

В 80-х годах бухарские ревностные поклонники Бахааддина (патрона Бухары) хашаром совершили богоугодный ремонт во имя святого Бахааддина Накшбанди, ради исполнения желания.

До появления ислама здесь располагался языческий храм, с которым связан архаичный праздник "красной розы", который ежегодно справлялся у мазара. Название связано с культом умирающего бога, кровь которого, якобы, появляется ежегодно в кроваво-красных лепестках роз.

В 1544 году Абдулазизом I в честь шейха воздвигнута дахма с мраморной резной оградой, грандиозное здание ханаки (42,5 x 38).

Спустя годы, дахма оказалась в отдельном дворике с хаузом в центре и расписными мечетями Музафархана и Хакима Кушбеги. На берегу хауза живописный четырехарочный чартак (сакохана).

Перед фасадом мечети Кушбеги возвышается минарет и небольшое медресе. К западу от дахмы, в отдельном дворе располагается обширный некрополь — усыпальница бухарских правителей.

Одухотворенность выразительных архитектурных конструкций, тишина и уединенность ансамбля не могли не вызвать религиозного экстаза, стремления к достижению познания Бога (хакыкат).

*У стен древнего мавзолея.*

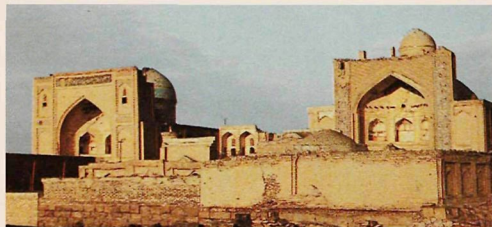


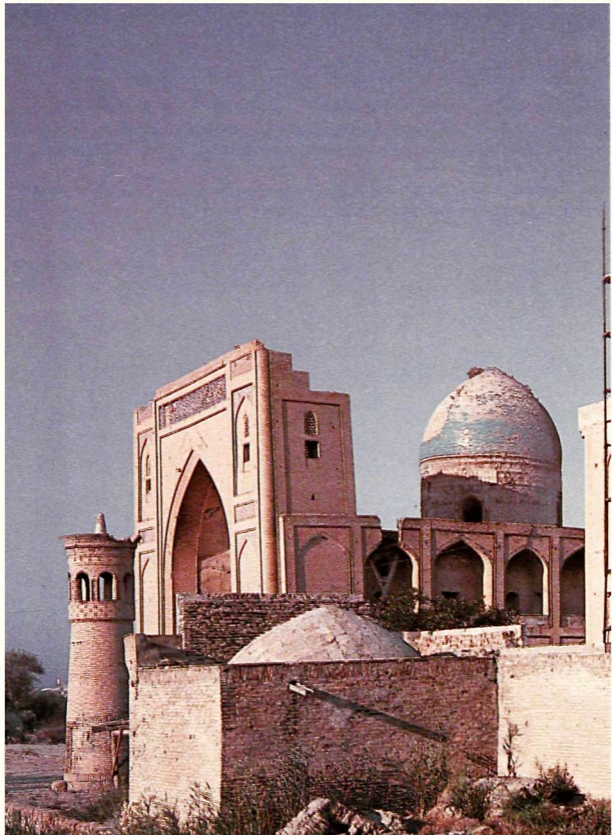
В Бухаре было распространено поверье, что всякое желание может исполниться, если в один день будет совершено паломничество к четырем мазарам, где похоронены святые, в составе имен которых есть имя Бакр (Абу Бакр Саъд, Абу Бакр Исхак и т. д.). Именно поэтому столь популярен мазар на могиле родоначальника джуйбарских ходжей Абу Бакра Саъда, ставшего известным под название Чор Бакр, хотя там похоронен один из них.

Правнук бухарского суфия ходжи Ислама Джуйбари (16 в.) не пожалел труда на благоустройство мазара. "В четырех частях (чар баг) этого сада посажены и другие деревья... От ворот города на расстоянии приблизительно одного фарсаха (6 км) провели два арыка, по обочинам которых посадили деревья". Эта зеленая аллея — Хиабан соединяла Чор Бакр с Бухарой.

Застройка Чор Бакра продолжалась длительное время. Вдоль традиционного коридора возникла группа погребальных фамильных двориков — хазира. К нему обращен парадный центральный комплекс ханаки, мечети и медресе. Пространство между ними замыкают медресе. Масштабную значимость зданий подчеркивает минарет.

К фамильным склепам ведет вросшая в толщу средневекового кладбища узкая дорожка. В кирпичные ограды двориков встроены входные порталы — дарваза и айваны поминальных мечетей.





Оригинальные куполки мазара Чашма Аюб, вблизи мавзолея Саманидов, придающие особую интимность небольшим затемненным помещениям, вполне отвечали настроениям отрешенной созерцательности: "Мусульмане не умирают, но лишь переходят из одних дверей в другие". Образовался мазар, согласно легенде, у колодца (чашма), который появился на месте, где ударил посохом библейский пророк Иов (Аюб).



На узкой старинной улице в сторону Мазарских ворот богатым туркменом Халифом Ниязкулом построено очень колоритное медресе с своеобразной четырехбашенной постройкой, служившей библиотекой для учащихся.



Расположенный в четырех километрах от города дворец бухарских эмиров был построен Ахадханом (1892) и Сеид Алимханом (1917). Старый дворец — это смесь европейской архитектуры с архитектурой дворцов Исфагана и богатых жилых домов Бухары. Имеет павильонную застройку с несколькими дворами в обширном парке.

Эти дворцовые виллы и беседки и сейчас отражаются в огромном хаузе, а в вольерах зоопарка красуются павлины и другие декоративные птицы.





*"О мира блеск, лазурный Самарканд,  
В тебе седой истории преданья".*

Гафур ГУЛЯМ.

Велика притягательная сила Самарканда. Эдемом Древнего Востока, драгоценной жемчужиной восточного мусульманского мира, Римом Востока называли его поэты и историки прошлых столетий. Здесь каждый клочок земли — живое сказание о былом, каждое старое дерево связано с какой-либо притчей, каждый квартал или мазар хранит свою легенду. Воистину неповторим город, где явь оказывается чудесней всяких сказок:

*Плывет над городом видений  
Дождь бирюзовых куполов.  
Входи же, спутник, и без слов  
Смиренно преклони колени...*

Пятьсот лет понадобилось Самарканду, чтобы из маленького поселения на берегу Сиаба превратиться в город с мощными крепостными стенами, монументальными храмами, многочисленными ремесленными мастерскими. И с первых дней Самарканду суждена была бурная, драматическая судьба. Он видел полудиких саков и массагетов, древнеиранских царей, "фаланги" грекомакедонцев, орды каракитаев, вынес трагическое завоевание арабов — основателей исламской религии Мухаммада, мощным слоем пожара запечатлелось в его истории нашествие Чингисхана. Его империя вскоре распалась на удельные владения, объединить которые удалось Тимуру. При нем Самарканд становится столицей мировой империи от Инда до Босфора. Его символом были три соединенных кольца, что означало власть над тремя частями света.

До сих пор живет интерес всего мира к древней истории столицы "Наполеона Востока". Это и изучение французскими учеными античной Мараканды и, казалось бы, забытые факты вскрытия гробницы Тимура в июне 1941 года. Вопреки страшным предсказаниям суеверных обывателей вскоре началось знаменитое сражение у Сталинграда, повернувшее ход истории. Каким же был завоеватель огромной империи?

Известный антрополог М. М. Герасимов с большой точностью восстановил его портрет, но не менее интересны его изображения в миниатюрах. Тимур был довольно высок, широкоплеч и сухощав. На крупном волевом лице с выдающимися скулами и коротким носом выделялись рыжеватая бородка и длинные



*Дервиши. Фото кон. 19 в.*

усы, что казалось нарушало установки ислама, но шариат людям военного сословия позволял такие вольности. С созданием стабильного государства Тимур стал очень строгим адептом шариата. Известно, например, как много усилий приложил Тимур для того, чтобы поднять влияние мазара Шахи Зинда. Было объявлено, что неоднократное паломничество к этому мазару может заменить мусульманину паломничество в Мекку. При Тимуридах и в дальнейшем при Шейбанидах строительство культовых учреждений становится самым богоугодным делом.

"Садом угодников" называли прежде Самарканд за многочисленные "святые места". Именно таким — единым, вечным райским садом решил сделать Тимур некрополь Шахи Зинда.

"Скромные и целомудренные жены и сестры амира Тимура выразили волю быть похороненными у порога этого места, охраняемого ангелами, — пишет Абу Тахир Ходжа, — и возвели здесь здания, так что лазурные небеса открыли любующийся взор на лицо времени — они не видели столь украшенных и нарядных зданий, так что бирюзовый небесный купол открыл очи — Луну и Солнце — он не любовался такого цвета эмалированными изразцами".

Вереница изящных, сверкающих голубыми искрами усыпальниц потянулась по древним склонам Афрасиаба. Главная святыня на вершине холма — мазар, который легенды и предания приписывают Кусаму, сыну Аббаса, двоюродному брату пророка Мухаммада. Ритуал поклонения его мнимой могиле сложился в глубокой древности. В народе бытует легенда о нем как о Шахи Зинде — "живом царе". Этот образ известен в Средней Азии с древних времен и связан с образом

*Паломники у стен древней Шахи Зинды.*



Сиявуша — "страдающего божества". Корни этого сюжета уходят к древнему культу страдающих и умирающих божеств. Издревле этот образ был наиболее популярен в женской среде. Очевидно, именно в силу почитания "исчезнувших святых" женским окружением амира Тимура и стал этот знаменитый некрополь женской усыпальницей.

По данным археологических исследований, до I в. территория некрополя была жилой частью древнего города. К 12 в. относятся фундаменты, склепы первых построек ансамбля. В 13 в. после монгольского завоевания жители покинули старую крепость и Шахи Зинда долгое время находилась в запустении. В начале 14 в. на землях мертвого города стали один за другим появляться красочные здания мавзолеев. Ко времени смерти Тимура (февраль, 1405) постройки в Шахи Зинде размещались только в пределах стен древнего Самарканда. За гребнем крепостной стены был большой ров и обрыв. С течением времени оплывшие стены сравнивали и у подножия Афрасиаба в период правления Улугбека возведены постройки нижней группы. Сначала появился отдельно стоящий двухкупольный мавзолей с порталом к югу. Для подъема на Афрасиаб устроили широкую лестницу. Завершены постройки нижней группы в 1434 — 1435 гг. Надпись на входном портале извещает: "Это величественное здание основано Абдулазизханом — сыном Улугбека Гурагана, сына Шахруха, сына амира Тимура Гурагана в 838/1434 — 35 г. н. э."

Мазаришах пользуется большой популярностью у современного верующего населения. Современники 20-х годов рассказывают, что каждый четверг здесь проходили радения дервишей ордена Кадрия. Обряд джахрия (громкое радение) начинался в верхней мечети, затем, не прекращая произносить "хо" или "ху" участники круговыми движениями спускались по многочисленным ступеням лестницы к нижней мечети. Перед завершением обряда исполняли пение религиозных стихов (хофиз). Считалось, что "совершение зиарата на мазаре, изобилующем светом царевича Кусамы, имеет удивительное влияние на экстатическое настроение "людей сердца" (мистиков).



По преданию, в древности от этой мечети начиналось мистическое шествие к мазару Шахи Зинда, которого, будто, и скрыл от преследователей кяфи́ров (неверных) Хазрат Хызр в глубоком колодце, где они до сих пор продолжают жить в подземных райских кушах.

Культовый хранитель "живой воды" — Хызра уходит в домусульманские времена и не случайно мечеть патрона путешественников находится у самых оживленных ворот (Аханин) при въезде в город, как будто благославляя каждого входящего: "Если кому-либо встретится Хызр, тот человек станет богатым. Если он обратит взор на поле, на сад, на город, то значит обилие всего обеспечено", — уверяют поклонники Хазрата.

Неоднократно перестроенная мечеть стоит на фундаменте самой первой мусульманской мечети, воздвигнутой арабами на месте языческого капища. Существует предание, что всякий, кто совершит первый утренний намаз (бамдод) в течение сорока понедельников в этой мечети, удостоится узреть образ Хазрата Хызра.

С айвана летнего помещения мечети открывается прекрасная панорама Самарканда, с будто вытканными на зеленом ковре силуэтами мечети Биби Ханым и четкими контурами на фоне туманных гор взметнувшихся куполов и минаретов Регистана и Гур Эмира.



В ярком представлении светозвукопанорамы, установленной на площади Регистан, "главные роли" играют памятники. Каждый из них ведет свой рассказ о нашествиях и пожарах, страданиях и возрождении, и в конце, словно Хафиз под прекрасную музыку, обращается ко всем:

*Я Регистан, я сердце Самарканда,  
Я памятник прошедших войн и бед.  
Потомок, слушай мудрости завет: мир береги.  
Жить в мире, дружбе — счастье.  
Ты всюду помни это, человек.*

Издrevле Самарканд был всемирным форумом. Сюда шли ученые за мудростью к Улугбеку, паломники к Шахи Зинде, купцы за знаменитой самаркандской бумагой. И все дороги сходились на Регистане — торгово-ремесленном и общественном центре столицы. Он был соединен с цитаделью торговой улицей "Серебряные ряды". Здесь, на Регистане и вдоль рядов, путников ожидал отдых в многочисленных караван-сараях, купцы попадали в шумные торговые пассажи и ряды, где собранные со всего света умельцы изготовляли ажурные ювелирные изделия, латы и кольчуги, сверкающие ткани. А рядом в течение нескольких столетий Регистан трижды сменил свою застройку.



*Фото кон. 19 в.*

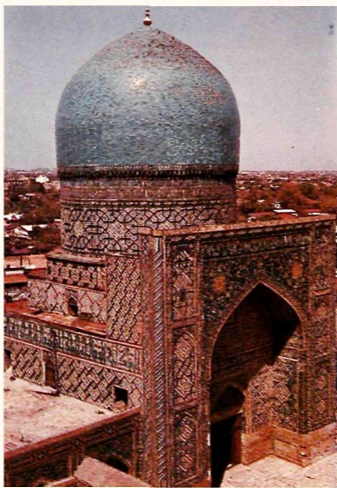
Первоначально, при Тимуре, здесь был огромный купольный пассаж по продаже головных уборов — Тим Туманак. В правление Улугбека снесли часть базарного пассажа и застроили по типу кош: медресе и ханаку (общезитие суфиев), а на месте нынешнего медресе Тилля Кари, по его распоряжению, построили крупный царский караван-сарай Мирзои, завещанный в вакф рядом стоящего медресе. На месте фонтана стояла прекрасная Джума мечеть — Мукатта, названная так, по словам Бабура, за декор наборными резными деревянными решетками без единого гвоздя. Позднее на ее месте воспитатель Шахруха (сын Тимура) Алике Кукельташ возвел новую пятничную мечеть.

К середине 17 в. ансамбль принял нынешний вид. Сначала было возведено медресе Шир Дор, которое должно было зеркально повторять древнее медресе Улугбека. И, наконец, замкнуло площадь медресе Тилля Кари, служившее не только высшей духовной школой, но и городской пятничной мечетью.

Автором проекта медресе Улугбека был зодчий Шахруха — Кавамаддин Ширази, автор ханских ансамблей Герата. Построено оно в 1417 — 1420 гг. В его архитектурно-образном облике строители запечатлели дух эпохи просвещенного деятеля. "Вечный художник лазуревые изразцы его в серебряные звезды неба вставили в форме "мадохиль". Здесь, по свидетельству хроники, преподавали не только богословие, но и светские науки. Мударрисом был Казы-заде-Руми, а Улугбек обучал студентов математике и астрономии. В конце 19 в. во дворе медресе стояли учебные солнечные часы в виде шестигранной призмы с мраморной градуированной доской — "гипотенузой".

После удачных набегов на восточную Персию и Северный Афганистан, Ялангтуш стал помышлять о спасении своей души, окружил себя людьми благочестивыми и шейхами, по рекомендации которых он построил медресе Шир Дор. По изяществу, легкости, красоте изразцовой отделки оно превосходило все существующие здания, что подчеркивалось и геральдической символикой — лев, терзающий серну.

Спустя четверть века, в 1646 — 1660 гг. Ялангтуш Бохадур завершил оформление ансамбля строительством медресе Тилля Кари с большой пятничной мечетью во дворе. Она была столь обильно украшена внутри раззолоченной рельефной живописью — кундаль, что и весь комплекс получил название Тилля Кари — "покрытый золотом".



Еще при жизни "великого амира" Тимура от ворот Аханин до Регистана тянулись торговые ряды, над которыми возвышалась соборная мечеть. И где бы в момент намаза не находился правоверный — на базаре, у тандыра, он обращался к мечети, славя Аллаха.

Вокруг мечети сложился гигантский комплекс сооружений. Неподалеку стояло здание ханаки Туманака, любимой жены Тимура, для которой он, когда ей было 12 лет, построил дворец и разбил сад "Дилькушо" — радующий сердце.

Мечети противостояло медресе Ханым, отстроенное старшей женой Тимура — Сарай Мульк Ханым (властительницей дворца).

Весь комплекс занимал целый квартал. Самая большая была мечеть Тимура — около 5000 квадратных метров. По углам ее возвышались стройные минареты, величественный входной портал высотой 83 метра. Несколько сотен каменных колонн поддерживали своды окружающей двор галереи с двумя крупными купольными зданиями на поперечной оси и с монументальной Большой мечетью у западной стороны. Портал служил для прихожан огромным михрабом. Внуком Тимура — Улугбеком во дворе установлен колоссальный мраморный пюпитр для корана. Врата, имеющие громкую славу, открыты стихом: "Входящий сюда пребудет в мире". Над воротами изречение: "Обиталище тварей все — лицемерие, обман и страсти. Дело исключительно сосредоточено у порога чертога Господа Мира — и только. Звук огромных врат ее, составленных из сплава семи металлов, призывает молящихся семи климатов в дом Ислама. Стены ее... нашли украшение в высеченных из камня письменах. Блеск от сияния на стенах ее".

Хоть и недолго просуществовала мечеть, не выдержали мощные устои арки частых землетрясений, но величественная красота ее породила множество легенд, связанных с талантливым зодчим и красавицей Биби Ханым. Слишком дерзок был порыв ее творца, решившего воплотить технически невозможный замысел.

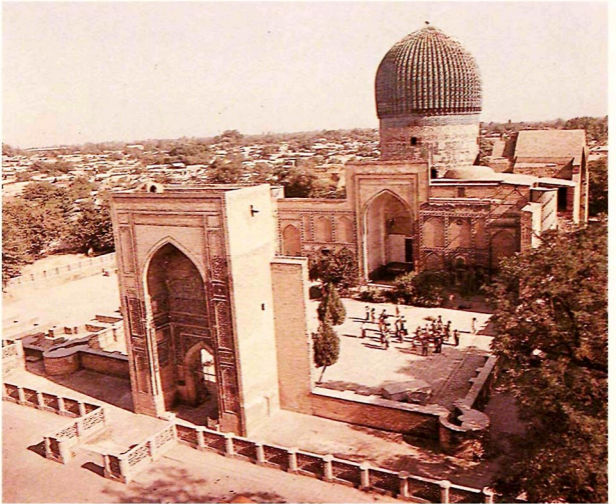
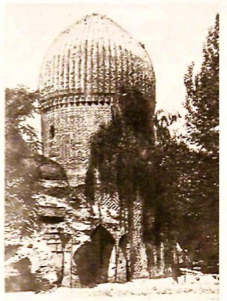


*Старая улочка Самарканда.*



В 14 в. весь город был поделен между сыновьями и внуками Тимура. Участок вблизи Регистана, рядом с популярной в то время гробницей Бурханеддина Сагарджи, Рухабад оказался во владении любимого внука Тимура и его наследника Мухаммада Султана, который отстроил здесь для себя дворец (не сохранился), а на примыкавшей ко дворцу площади возвели медресе и ханаку. От самой цитадели вела "царская аллея", вымощенная цветным камнем. Вдоль нее располагались мечеть и хауз. Юный принц успел закончить постройку медресе, которое предназначалось для обучения детей эмиров, входивших в состав войск царевича. Однажды сюда приехал осмотреть медресе амир Тимур и место ему так понравилось, что он распорядился построить здесь усыпальницу для собственного вечного успокоения из мрамора и яшмы. От всего первоначального комплекса сохранились лишь часть южной стены и входной портал, покрытый роскошными мозаичными облицовками, выполненными мастером Мухаммад бини Махмудом из Исфагана. В 1403 году любимый внук Тимура погиб в одном из сражений в Иране. Для него, спустя год, возвели парадный мавзолей с погребальным склепом (Аксарай). Но смерть уже подстерегала и Тимура. В начале февраля 1405 г. он в походе на "неверных" в Китай внезапно скончался в Отраре. Во избежание смут, церемония погребения проходила скрыто. Надушенное мускусом и камфорой тело Тимура похоронили рядом с Мухаммадом Султаном. Позднее оба перенесены в подземный склеп грандиозного мавзолея, который с тех пор называется Гур Эмир (могила амира). Могила его в ногах погребенного здесь же шейха Мирсаид Береке, учителя и наставника Тимура, которого он почитал более всех за оказанную духовную помощь в овладении Балха.

Постепенно мавзолей превратился в фамильную усыпальницу по мужской линии. Здесь находятся могилы султана Шахруха, Мироншаха, Мухаммад Султана и Улугбека. На возвышении к западу могила Сеид Куляля, благодаря присутствию которого мазар этого святого отличается светом благодати.



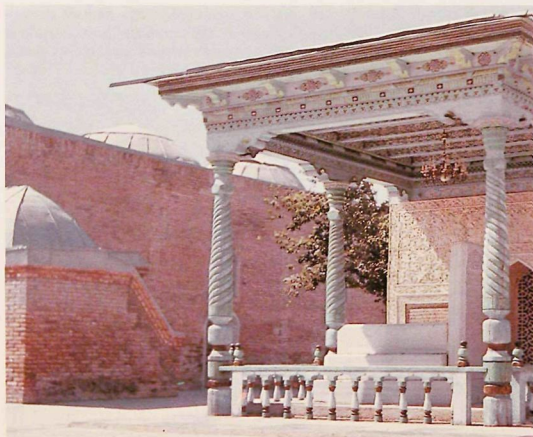
Замечательный памятник 15 в. — Ишратхана (дом увеселений) представляет усыпальницу Сахиб и Давлет беки, расположен в пригородном квартале рядом с мазаром Ходжи Абди Даруна.

Обрушился некогда стройный купол, рассыпались верхние этажи, утерян роскошный декоративный узор, но, несмотря на это, здание чарует своей изысканностью и неповторимостью. В теплой фактуре кирпича, словно сапфиры, сверкают медальоны изразцовых орнаментов. Народные легенды связывают это здание с последним пристанищем Улугбека, где настигли его коварные слуги Абдуллятифа (сына). В действительности это династическая усыпальница женщин и детей, основанная по воле Хабиби Султанбегим, одной из жен Абу Саида, правителя Тимуридовских владений.



Мазар Мухаммада ибн Исмаила Бухари расположен в 12 километрах от Самарканды, известного сейчас под именем Ходжа Исмаила. Здесь у могилы Исмаила была построена соборная мечеть.

Имам Исмаил Бухари жил в 9 в. и считается собирателем 7275 хадисов "Сахих - и Бухари". Абу Тахир Ходжа в "Самарии" рассказывает о чудодейственном влиянии этого святого при эпидемических заболеваниях. Дед имама Мухаммада был огнепоклонником, принявшим ислам, отец считался хорошим сказителем преданий, и сын, с детства пристрастившись к хадисам, неутомимо собирал и записывал предания, которые впоследствии были внесены законоведами в "Шариат", получив статус законов для правоверных.



Ходжой Ходжей, "постигшим суть дела", называет Абдурахман Джами одного из самых влиятельных шейхов Тимуридов Насреддина Убайдуллу Ахрара. "Совершенством силы подчинять себе волю людей и мощью святости наружно и духовно он придержал народ в подчинении себе. Он был украшен красивой наружностью и прекрасными внутренними качествами". Духовная власть его распространялась не только на его сподвижников и хальфов, но и на правителей. Светские увлечения Улугбека вызывали острое недовольство шейха, что закончилось трагической гибелью просвещенного монарха. Но и сам шейх был очень просвещенным теологом, писал стихи. Он умер в 1490 г. и захоронен в дахме с беломраморной резной стеллой. В хазире ходжи Ахрара захоронены крупные духовные лица.

В 1638 году у почитаемой гробницы шейха по распоряжению Надир Диванбеги зодчим Достмухаммадом построено крупное медресе, которое считали "зеркалом Шир Дора". Позднее у древнего хауза возводится летняя мечеть с красочными потолками и ханака. В тени чинар высится небольшой минарет, с которого далеко разносится и сейчас призыв правверных к молитве.





*"От этих зеркально блестящих  
изразцов, возбуждающих удивление,  
идет путь в сторону духовного мира".*

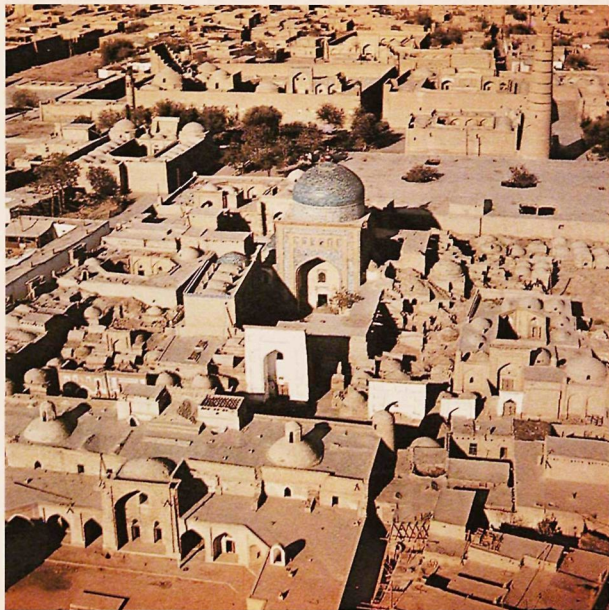
Сказочный город, чудом сохранивший уникальную историческую атмосферу словно остановившейся истории середины прошлого столетия. Воспоминания о недавней жизни хранят нетронутые дворцы и жилища, лавки и мечети, медресе и гробницы, и, кажется, будто только вчера у этих древних стен, на базарных площадях шумела бурная жизнь, в мечетях совершались намазы, а с прославленных мазаров доносилось громкое чтение Корана. "Не думаю, — пишет арабский географ 10 в. Якут, — чтобы в мире был город, подобный славному городу Хорезму по обилию богатства и величине столицы, большому количеству населения и близости к добру, и исполнению религиозных предписаний и веры".

Издrevле Хорезм исполнял роль форпоста переднеазиатской мусульманской цивилизации в гузской и кипчакской степях.

Бурные социальные потрясения разметали тысячи городов. Хива выстояла и с 10 века начинает свой бурный рост. В 10 — 11 вв. в период правителя Мамуна его прославляют Абу Райхан Беруни, Абу Али Ибн-Сина.

К началу 20-го века город фактически стал уникальным архитектурным ансамблем: монументальные общественные комплексы и своеобразная жилая застройка с одноколонными айванами.

Ичан-Кала — внутренний город Хивы — застраивалась на протяжении столетий. Высокие минареты, купола и порталы доминируют над конгломератом жилых домов с характерными колодцеобразными внутренними домиками.



На оплывах средневековых стен, прежде сплошь занятых мазарами почитаемых шейхов, в 18 в. инаками из племени кунград возведены крепостные стены с мощными башнями и укрепленные четырьмя воротами, но по мере расширения площадок под строительство медресе стены отодвигались (медресе Кутлимурад инак) или сносились (медресе Мухаммадаминхана).

К четырем воротам (Ата Дарваза, Таш Дарваза, Багча Дарваза и Палван Дарваза) подходили основные магистрали. Они, помимо основного назначения, служили и торговыми. Их внушительный облик отражал величие и достоинство города:

*Их арка тонет в сумраке высот,  
Дуга той арки — как небесный свод.  
Созданье чародейства — не руки.  
Врата на диво мощны и крепки.*

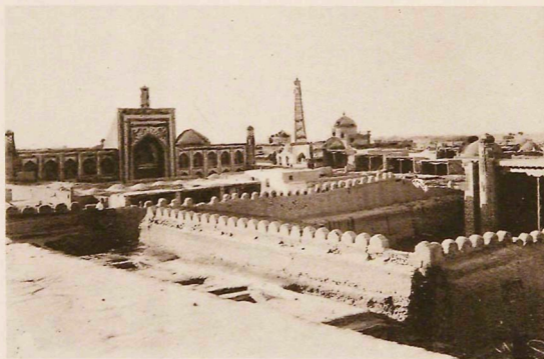
Алишер НАВОИ.



Старая крепость, цитадель (Куныя Арк) примыкает к западной стене Ичан-Калы. В ней между воротами Ата Дарваза и Таш Дарваза над стенами поднимаются остатки донжона — башни легендарного святого Ак Шейх бобо. Именно вокруг этого замка и развивался город последних хивинских ханов.

Сейчас в цитадели, как и в Арке Бухары, сохранились немногочисленные постройки 19 в. Здесь, кроме курынышханы (аудиенц-зал), летней мечети, монетного двора и гарема, помещались прежде арсенал, пороховой завод, канцелярия, конюшни, гауптвахта, арена для боя барабанов.

Великолепно убранство айванов в курынышхане и мечети, стены которых "затканы" многообразным покровом изразцов, а колонны и двери покрыты изысканной резьбой.

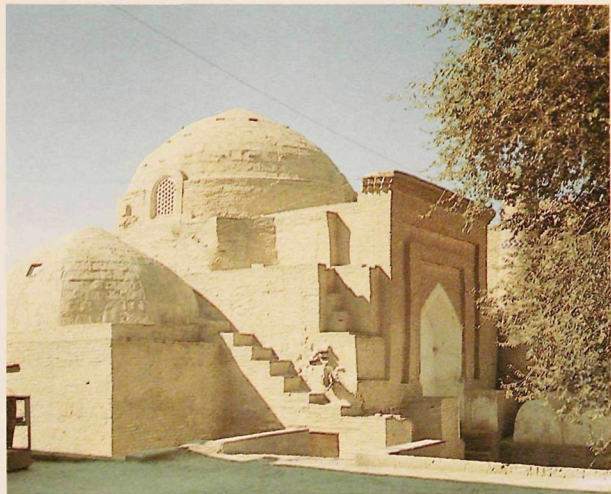




Один из самых древних памятников Хивы, построен учеником и последователем амира Куляля (ум. в 1380 году). Скромное убранство мавзолея контрастирует с майоликовым надгробием шейха.

Популярное место поклонения постепенно обростало могилами и к усыпальнице пристроили зиаратхану.

В 1825 г. по приказу Аллакулихана мавзолей капитально отремонтирован.



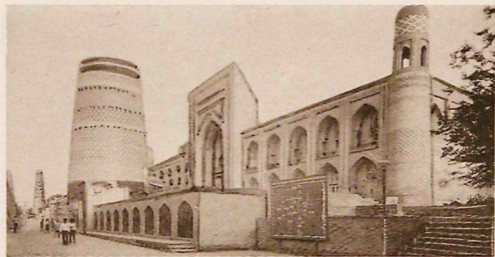
Издревле каждый мусульманский город старался превзойти другие по монументальности своей соборной мечети. Хивинская Джума мечеть отличается архаичностью планировки, кровлю с тремя световыми колодцами поддерживает 212 колонн 10 — 16 вв.

Построена она на месте более древней мечети ханским сановником Абдурахманом Михтаром. Таинственный полумрак царит в многоколонном пространстве мечети, и лишь проникающий через люки свет обрисовывает резные колонны, каждая из которых может стать сюжетом занимательного рассказа. Так, например, считают, что часть наиболее ранних колонн привезена из древней столицы Хорезма — Кята, снесенной Амударьей, другие устанавливались в качестве благотворительного дара. Об этом свидетельствует вырезанная на колонне кувфическая надпись: "Сделанная по приказанию факиха Абу Фадла Ал-Мухаммада Лайси". Глубокая орнаментальная резьба колонн геометрического, растительного и эпиграфического характера составляют главную художественную ценность соборной мечети. Не меньшим шедевром считаются входные ворота мечети, вставленные в главный проем рядом с минаретом.



"Это прекрасное сооружение вечно будет стоять на радость потомкам". Так считал честолюбивый хивинский хан, задумав превзойти по величине и комфортности все имеющиеся в Хиве духовные школы. В медресе удобные двухкомнатные худжры предназначались для 260 студентов. При нем была обширная библиотека и канцелярия высшего духовного мусульманского суда (шариат кази).

После смерти Мухаммадаминхана в битве с туркменами в 1855 году строительство грандиозного минарета было приостановлено. Еще бы пару лет и на зависть всем властелинам мира высота минарета достигла бы 70 метров. При диаметре

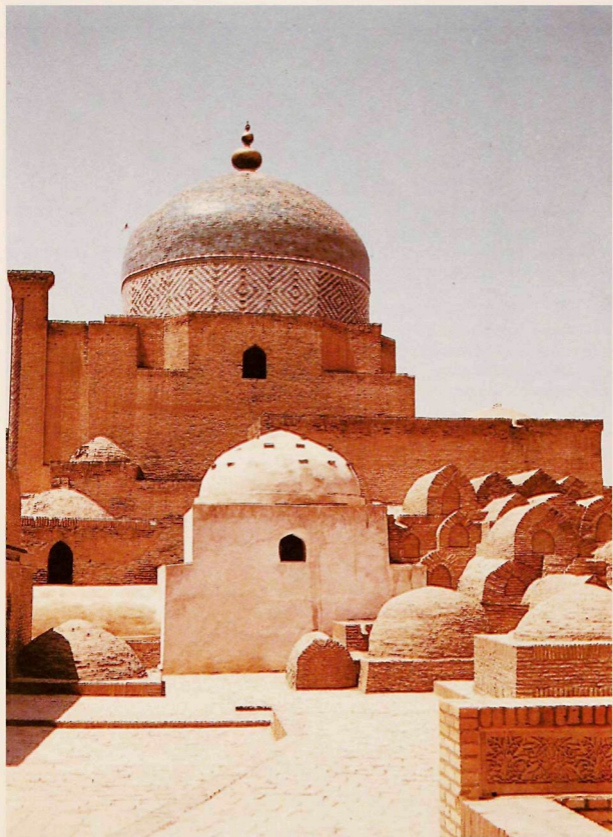




Почитаемый покровитель — пир Хивы Пахлаван Махмуд был скорняком, делал шубы и, помимо всего, славился своей богатырской силой, известность о которой простиралась далеко за пределами Хивинского ханства. Но народная память хранит славу о нем как о великом поэте, мудреце (1247 — 1325 гг.), возведенным мусульманским духовенством в ранг святых, а так как поэт принадлежал к роду кунградов, то в 19 в. хивинские ханы избрали его святым покровителем Кунградской династии. С тех пор комплекс стал как бы мемориалом членов ханской семьи.

Главной примечательностью мавзолея стала майоликовая облицовка, украшающая купол, входной портал и надгробия. Мастера, создавая убранство, прониклись духом поэзии Пахлавана Махмуда и старались передать ее свежесть и цветение в своих изумительных сине-белых узорах со стихами пира:

*"Языком истину прославлять лучше всего.  
Молитвой рассвет встречать лучше всего.  
Ради доброго имени на свете  
Голодным хлеб раздавать лучше всего".*



Древнейшее в Хиве медресе, а в конце 19-го в. их было более 60, построено рабами Ширгазихана, которых он привез из похода на Хорасан.

Хана наделяли высокими титулами — "Солнце мира", "Лев божий", а медресе должно было стать объектом его богодеяний.

*"Как не стать тому, кто в нем будет обитать,  
Кладезем науки, светочем познания и исследователем тайн".*

В 1726 году восставшие рабы убили хана, похоронили его тут же, в медресе. Здесь получили образование многие ученые и поэты, среди них классик туркменской поэзии Махтумкули (1733 — 1793), стихи которого проникнуты благодарностью к медресе:

*"Я буду жить, врага и друга различая,  
Мне истина теперь — союзница святая;  
Была мне книга здесь открыта золотая.  
Прости, я ухожу, прекрасный Шергази".*



Ислам Ходжа — главный визирь Исфандиярхана был весьма прогрессивным человеком. Кроме минарета и медресе, он открыл для местных детей школу, больницу, почту, строил мосты и дороги. Легкий и стройный силуэт минарета Ислам Ходжа, опоясанный сверкающими лентами мозаичных облицовок, стал самой выразительной доминантой Ичан-Калы. К минарету примыкает главным своим фасадом медресе нарядно декорированное, с большой купольной мечетью.

Однако строительная деятельность Ислам Ходжи была пресечена коварным убийством его с участием Исфандиярхана. Убили, закопав живым в землю, и строителя Раимбергена.





На небольшой площади в восточной части Ичан-Калы размещены несколько медресе, квартальная мечеть, бани, торговые пассажи, караван-сарай и ханский дворец (Таш Хаули). Рядом находился городской базар и невольничий рынок.

Аллакулихан, при котором велись основные строительные работы, увековечил своё имя медресе, пассажем, тимом, создав удивительно своеобразную композицию площади. Привлекательны ее разные уровни, где медресе Хурджум служит площадкой для фасада медресе Аллакулихана. Изумительно чередование бирюзовых фасадов медресе, куполов торговых ниш, плоскостей дворцовых стен.

Интересна история, связанная со строительством усыпальницы Кутлимурад инака, который завещал похоронить себя, по примеру многих правителей Хивы, в отстроенном им медресе, но смерть пришла к нему за пределами Ичан-Калы. По закону он потерял право быть похороненным в своем медресе. Чтобы исполнить волю умершего, духовенство распорядилось разобрать крепостную стену, и медресе как бы включилось в Дишан Калу. Через пролом стены пронесли тело и похоронили под полом вестибюльного помещения.

Караван верблюдов на привале. Кон. 19 в.



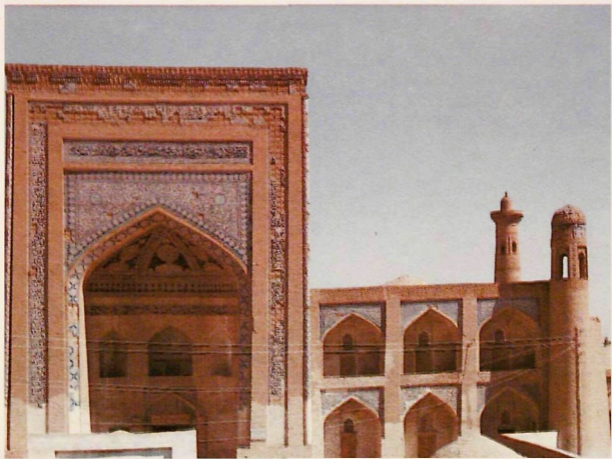
Более восьми лет длилось строительство дворца, в котором участвовали лучшие зодчие Хорезма, во главе с непревзойденным усто-орнаменталистом Абдуллой, по прозвищу Джин, за его поистине колдовское мастерство.

Дворец трехчастный — парадный для приемов и пиршеств, официальный с судилищем и канцеляриями, и гарем. Все они сгруппированы вокруг дворов. В дворике михмонханы круглая суфа для установки парадной юрты, напоминающая кочевнические традиции хивинских ханов.

В главном айване, который путешественники сравнивали с театральными подмостками, происходил церемониал дворцового приема. Сходство это — в яркой декоративности расписных потолков, ковровых узоров мозаики, обрамлении башенками и фигурным карнизом.

Снаружи гладь очень высоких стен с зубцами оживлена небольшими полубашнями с фонариками. Все это очень напоминает средневековую крепость. И название его Таш Хаули (каменный двор) наилучшим образом отражает его назначение сильной крепости.

Старая улица Хивы. Фото кон. 19 в.



С запада на восток от ворот Ата Дарваза к воротам Палван Дарваза город пересекает главная улица протяженностью около 400 метров. Она фланкируется фасадом и боковыми стенами крупных сооружений. На её оси несколько площадей, отмеченных возносящимися в небо минаретами. В пролете ворот Кой Дарваза улавливается вся их цепочка: минареты Абдал бобо, Палван Кари, Саид Шаликарбай, Исламходжа, Джума, Кальта минор, Бикад-жанбика.





*Здесь — Честолюбья был дворец надменный.  
Жила душа и разум обитал:  
Взгляни в глазницы, в черный их провал, —  
В тайник ума и мудрости лучистой,  
В приют страстей, чей взлет узды не знал...*

БАЙРОН.

У подножия Зеравшанского хребта в долине бассейна Кашкадарьи расположен древний Кеш — Шахрисабз — родовое гнездо предков Тимура. В 14 — 15 вв. он стал центром монументальной застройки. Возведены крепостные стены, построены дворец, мечети и мавзолеи.

Захириддин Бабур, один из тимуридских государей 15 — 16 в., поэт и историк пишет: "Стены вокруг Кеша и сам город, его крыши и стены покрыты красивой зеленью, поэтому его также называют Шахрисабз" ("Зеленый город"). В городе от ворот к воротам тянулись две магистрали, пересекавшиеся в центре и делившие его на четыре части.

Создателями шахрисабзких зданий были мастера, ремесленники, рабы, вывезенные Тимуром из захваченных стран. Даже выросший в плену историк Ибн-Арабшах отдает дань величию Тимуровских построек.

"Если ты хочешь знать о нашем могуществе — взгляни на наши постройки", — было начертано на портале дворца Аксарай. В конце 16 в. по приказу Абдуллахана II этот замечательный памятник зодчества был разрушен. Сохранились лишь могучие устои портального свода. Великолепие здания в свое время поразило испанского посла Рюи Гонсалеса де Клавихо, который написал в своем дневнике, что отделка во дворце была золотая, лазоревая и других цветов удивительной работы, и даже в Париже, где есть искусные мастера, эта работа считалась бы очень красивой. Шереф Али-Иезди, панигирист Тимура добавляет: "Сильней, чем призыв азанчи, от сводов эхом отражен, отсветом яркой белизны бросает ночи вызов он".

Даже в разрушенном состоянии высота пилонов 38 м, если же учесть, что поверху проходила арочная галерея — ревак, то при ширине 50 м высота портала была около 70 м, т. е. примерно на уровне 20-этажного дома. Предание повествует, что зодчий замесил раствор для первых кирпичей из горсти золотого песка.

По завершении постройки Амир Тимур приказал привязать гениального мастера к орлу, затем верёвки перерезали и зодчий разбился.

Все площади стен дворца, двора покрывал сплошной панцирь изразцовой мозаики с геометрическим и эпиграфическим орнаментами. Такова, например, двухметровая надпись почерком "куфи", опоясывающая цилиндрическую часть башни, утверждающая богоданный характер царской власти: "Султан — тень Аллаха".



Его составляют три сохранившиеся сооружения на бывшем некрополе барласской знати: два мавзолея (Хазрети шейх (Шамседдина Куляля) и Гумбази Сейидон) и Соборная мечеть Кок Гумбаз. Все они представляют собой остатки бывшего ансамбля зданий, некогда объединенных у медресе Доруттиляват (Дом размышления).

Наиболее ранняя постройка — мавзолей Шамседдина Куляля, духовного наставника Тимура и его отца амира Тарагая. Шамседдин Куляль (или Амири Калян — "Великий Эмир") известен в мусульманской агиологии как Пир бухарского шейха Бахааддина, которого он обучил "тайному зикру" посредством безмолвного размышления о присутствии Бога в себе. Вот одна из заповедей его вероучения: "Добрые дела обнаруживаются только в собрании людей, общество же людей заключается во взаимном содружестве, основанном на условии не делать друг другу того, что воспрещено. И если общество людей из тех, что идут к Богу нашим путем, имеет подобное единение — в том его благополучие и счастье...". Шейх скончался в 1370 году, и его могила была окружена большим почитанием и культом.

С юга пристроен мавзолей, возможно потомков Улугбека, под названием Гумбази Сейидон (купол Сейидов) — это небольшое здание пленяет изяществом пропорций и прекрасно выполненной входной дверью, покрытой глубокой, в три плана, резьбой с цветочно-растительным и эпиграфическим орнаментом. Весь архитектурный ансамбль у медресе Доруттиляват связан с периодом правления Улугбека.

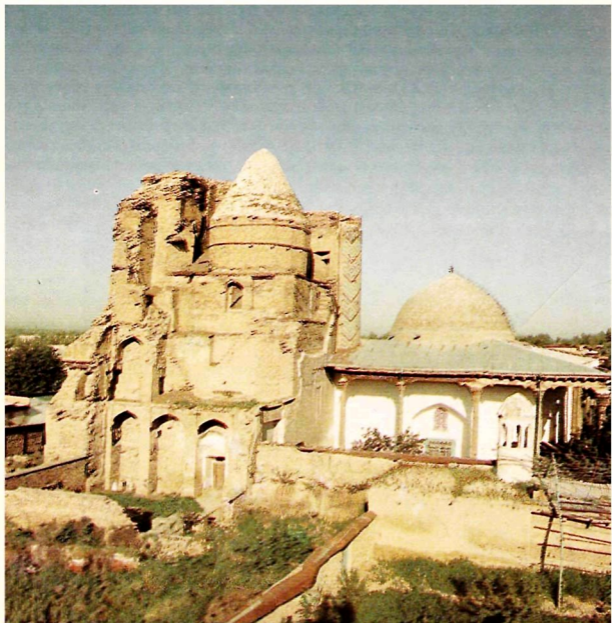
От имени отца Улугбека — Шахруха отстроена в 1435 году мечеть Кок Гумбаз. Бывшая соборная мечеть Шахрисабза возведена на фундаменте мечети домонгольского времени с аналогичной планировкой. К мечети когда-то примыкали летние галереи, от которых сохранились основания квадратных пилонов, поддерживающих арки, между которыми были переброшены многочисленные куполки.

Между ансамблями Доруссиадат и Доруттиляват располагался мазар местной знати и духовенства.



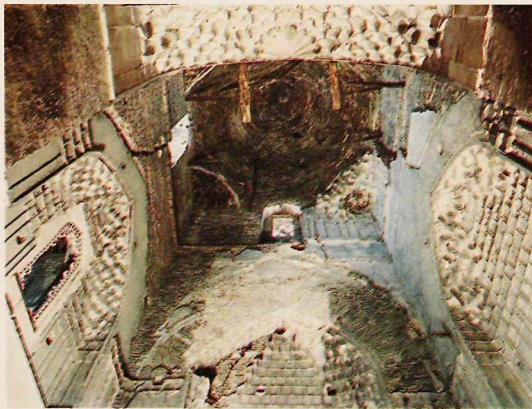
С того дня, как в 1376 году в Самарканде скончался двадцатидвухлетний любимый сын Тимура Джехангир, Тимур впал в такую скорбь, что "сердце его было закрыто для сострадания 30 лет". Тело "справедливого царевича, храброго воина, мелькнувшего на земле, как роза" было привезено в город предков, где для него возвели мавзолей. Позднее мавзолей Джехангира включили в здание семейной усыпальницы.

В середине 19 в. рядом с мавзолеем Джехангира возвели многокамерную мечеть Хазрет Имам с купольным залом и расписным айваном.



Гурхана, от которой сохранился только склеп, располагалась на продольной оси Доруссиадата. "Эта мечеть и капеллы ее очень богаты и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами, при ней есть большой двор с деревьями и водоемами", — писал испанский гость Тимура.

Вскрытый сравнительно недавно склеп является частью большого комплекса сооружений. Крестообразная камера была сплошь облицована плитами белого мраморовидного известняка. На стенах по контуру арочных ниш тянется сплошная лента резьбы с кораническими письменами. Молитвы вписаны и в медальоны на сводах. Всё здесь соответствовало месту последнего упокоения миродержца: и каменный саркофаг, и надписи об уходе брэнного мира в мир Вечности, но судьба распорядилась иначе. Местом погребения Тимура стал мавзолей Гур Эмир в Самарканде. Этот же склеп со временем был стерт с лица земли, и только благодаря письменным источникам удалось его обнаружить.





*Послушай описание царства Ташкента,  
Страны, прелесть которой повсеместно  
Известна понимающим людям.  
Всякий, поселившийся в этой стране,  
Больше не вспомнит о рае.  
Умереть там гораздо лучше,  
Чем жить живым в другом мире.*

Зайнабдин ВАСИФИ.

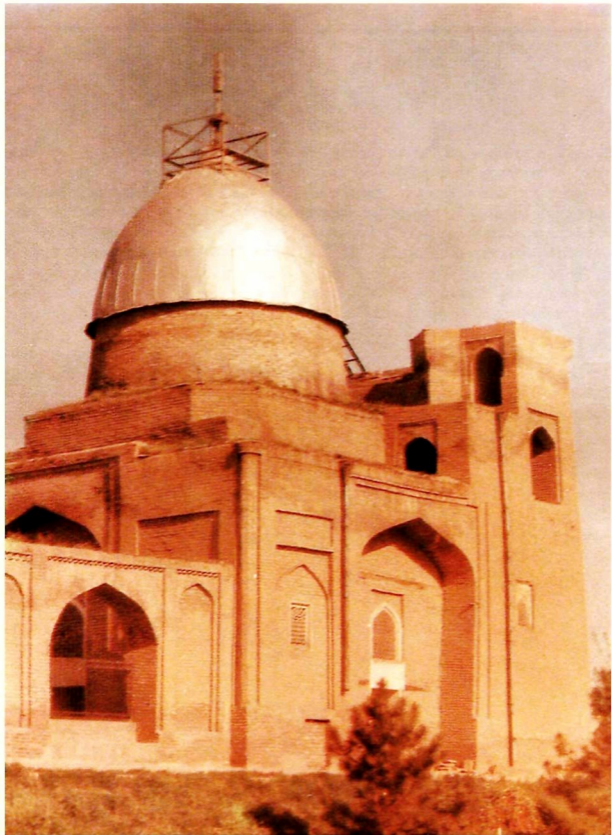
Чач — Шаш — Бинкент — Ташкент. Каждое из этих названий — история города. Сколько воды утекло... Арабские путешественники, посещавшие этот край в 10 в., так описывали его: "Ни в Хорасане, ни в Мавераннахре нет страны, подобной Чачу... по обилию соборных мечетей, силе и храбрости жителей". А два столетия спустя историки назовут её "страной тысячи городов".

С 15 в. н. э. Ташкент в государстве Тимура приобретает значение сильной крепости и оплота Ислама. Особенного блеска он достигает в 16 в., когда десятки поэтов, философов, богословов, певцов, миниатюристов устремились к новым меценатам в Бухару, Самарканд, Ташкент. Здесь, при дворе местных удельных султанов, устраивались блистательные поэтические турниры. Одним из излюбленных мест богословских диспутов, чтения хафизов был живописный берег арыка Калкауз у популярного мазара шейха Каффаль Шаши. В них принимали участие и студенты, обучавшиеся в медресе Баракхана.

Абу-Бакр-Мухаммад Каффаль Шаши — выходец из Ташкента, один из распространителей и проповедников шафитства, был также образованнейшим богословом и поэтом.

Современный мавзолей построен в 1541 году на месте более древнего захоронения. Мазар Каффаль Шаши пользовался большой популярностью. Для зиарата ему приезжал сюда бывавший в Ташкенте Абдуллахан II. Для привлечения большего числа почитателей и сторонников в духовенстве он финансировал постройку мавзолея над могилой похороненного напротив шейха Бобо Ходжа.





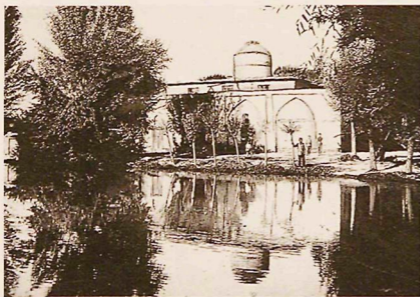
Немногие из жителей Ташкента знают о существовании мавзолея Зайнутдина бобо, расположенного в Кукчинской части города. Квартал, на территории которого расположено кладбище и мавзолей, прежде находился за пределами городской стены. Забвению он был предан уже в 16 в. В рукописи 16 в. "Светильник шествующих и остроумные слова познавших истину", посвященной жизнеописанию шейха Лутфуллы Чусты Убайдулла Накшбанди Самарканди повествует, что в бытность свою в Ташкенте Лутфулла Чусты совершил зиарат в мазар (мавзолей) Зайнутдина, расположенный в квартале Арифон (квартал мудрых, квартал мистиков), и говорит о том, что людей там бывает мало.

Бывший хранитель мавзолея Ибанидов рассказывал легенду, согласно которой "шестьсот лет назад, по указанию своего отца шейха Шихабалдина, шейх Зайнутдин переехал из Багдада в Ташкент. Чилляхона была его жилищем. После его смерти почитатели воздвигли над могилой маленький чортак. Позднее этот чортак перестроил Тимур, а затем последовало еще три — четыре ремонта".

Наиболее древний элемент мавзолея — чилляхона (10 — 12 вв). Чортак же над могилой шейха разрушился, но впоследствии Тимур, в одно из своих пребываний в Ташкенте (возможно, в 1390 г.), заболел и в надежде на выздоровление возвел новое здание над могилой Зайнутдина Куи Арифони.



Основой комплекса послужило здание мавзолея Суюниджхана, первого хана узбекской династии шейбанидов в Ташкенте. Именно он, внук Улугбека, был тем просвещенным меценатом, который привлек ученых и поэтов всего Востока. В качестве наставника для своего сына Науруз Ахмеда (Баракхана) он пригласил знаменитого гератского поэта Зайнадина Васифи, прославившего в своих одах гостеприимный Ташкент. Баракхан пристроил к мавзолею медресе. В настоящее время здесь располагается Духовное управление мусульман Средней Азии. Во дворе действующей напротив мечети в специальной библиотеке хранятся редкие собрания Коранов и хадисов.



*Фото коп. 19 в.*



Мазар Шейхантаур считался одной из самых чтимых святынь Ташкента, исторически уступая только мазару Каффаль Шаши. Еще в начале 20-го столетия здесь был благоустроенный парк с вековыми чинарами и саурами, хаузами и павильонами, где проводились праздничные гуляния.

Шейх Хавенд Тахур был ближайшим предком высокочтимого в Средней Азии мистика Ходжа Ахрара. В мавзолее рядом с его надгробием стоят еще четыре сагана, принадлежавшие правителю Ташкента 19 в. Юнусходже и его сыну — Султанходже.

Рядом с мавзолеем Шейхантаура находится мавзолей Калдыргачбия, тоже предка Ходжа Ахрара. Они объединялись поминальной мечетью (Аурат мечеть).

Неподалеку, на берегу арыка располагалось помещение мазара Куктелликата, куда приходили за исцелением.

Западнее расположен мавзолей Юнусхана Моголистанского, потомка второго сына Чингисхана. Детство Юнусхан провел в Герате, а затем в Иезде, где его наставником был Шерефеддин ал Иезди, знаменитый автор летописи "Книга побед" — "Зафарнамэ" Тимура и был окружен его заботами и милостями, занимался изучением наук и стал достойным ученым. Скончался он в 1486 году и его сыновья "над могилой возвели великолепное сооружение, высокое здание с прекрасными художниками, воздвигли очень высокий купол".

Мавзолей Юнусхана таит много загадок — в нем не было обнаружено захоронения, а прекрасные резные двери оказались музыкальными — между створками дверей был искусно встроены старинный музыкальный инструмент — чанг.





На площади Чорсу в средневековье сложился большой архитектурный ансамбль — Регистан. Его основу составляли мечеть Джаме, медресе Ходжа Ахрара и медресе Кукельдаш. В результате частых землетрясений медресе неоднократно меняло свой фасад, но и сейчас, после реставрации оно украшает центральную площадь старого города.



Ислам как общегосударственная религия повсеместно закрепился уже в 9 в. Однако наряду с официальным толком мусульманства в Средней Азии развивались популярные в народе различные мистические направления, проповедниками которых были подвижники суфии, создатели суфийских сект и дервишеских орденов. Одни призывали к отшельничеству и уходу от суетной житейской борьбы (Исмаил Бухари), другие — к философичным размышлениям как средству постижения божества (Бахааддин Накшбанди, Абдурахман Джами, Алишер Навои), третьи — к мистическим радениям как форме духовного слияния с божеством.

Два однокамерных мавзолея популярного в Ташкенте суфия Зенгиата и его жены Амбар биби были возведены, по преданию, Тимуром в 14 в. Имя его было

Айходжа по прозвищу Зенгиата, то есть "черный". Уроженец местности Шам, потомок Хазрета Арслан бобо, он был пятым мюридом суфия Ходжа Ахмада Яссави, который считался духовным главой всех тюркских племен Средней Азии и Казахстана. Поклонение культу Зенгиата по праздникам превращалось в массовое увеселение с выступлением акробатов, фокусников, дервишей.

Обширный сад, комплекс монументальных построек 14 — 19 вв., кладбище с мавзолеем Амбар биби переданы в ведение духовного управления.





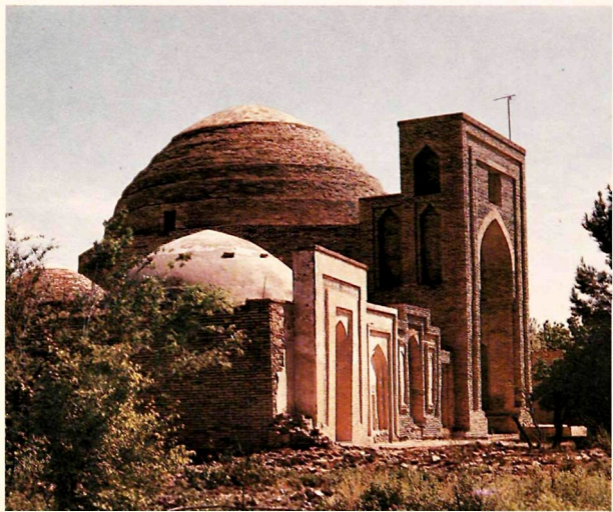
*Что ты видишь в темных безднах темных  
смолкнувших веков?  
Кости, ржу мечей железных,  
гниль, обломки черепков.  
Среди пустынь лежат руины  
наших древних городов,  
Глыбы пыльных плит старинных,  
как надгробия веков...*  
Гафур ГУЛЯМ.

Действительно бескрайним кажется огромный пустырь Термезского городища, где вырисовываются всхломления былых кварталов, высятся вдали силуэты монументального здания 14 — 15 вв. — Кырк Кыз, купола мавзолеев Хаким ал Термези, фамильные усыпальницы термезских Сейидов — Султан Саадат.

Группа разновременных усыпальниц термезских сейидов (т. е. прямых потомков пророка Мухаммада) создавалась на протяжении семи веков по периметру длинного узкого двора с главной святыней, где покоится Сейид Хасан Ал-Амир.



С 9 в. н. э. Термез, наряду с Бухарой и Самаркандом, становится крупнейшим центром науки и культуры мусульманского Востока. Арабские географы и путешественники рассказывают о знаменитых мусульманских законооведах, хадисоведах, прославивших Термез своей мудростью и ученостью. У могил подвижников веры, на протяжении веков слагались целые ансамбли. Одной из популярнейших святынь стала могила основателя суфийского ордена "Хаками" Абу Абдалла-Мухаммад бини Али бини Хусейн ал-Хаками Термези. Как Термез-ата — "Отец Термеза" его чтит народ, считая его духовным покровителем города. По преданию, десятилетним мальчиком он получил откровение и знания от явившегося ему чудесного старца. Хаками Термези (Термезский мудрец) не случайно был так назван. Он написал до тридцати сочинений мистико-философского характера, в числе которых — первый историко-биографический труд о суфизме и суфиях. Уже в преклонных годах (898 г.) он был обезглавлен вторгшимися в город врагами и захоронен в небольшой обители — ханаке, где он жил и общался с мюридами. Позднее над его погребением в 12 в. был возведен мавзолей, богато украшенный резным шtukом. Рядом построена поминальная мечеть, а в начале 15 в. возведена монументальная ханака — обширный зал для мистических радений. В это же время над могилой Хакима Термези поставлено великолепное надгробие — сагана из белого мрамора — это один из шедевров камнерезного и орнаментального искусства.



На ровной пустынной местности, недалеко от Шерабада, издали виден трехглавый силуэт мавзолея Ходжа Иса, построенный мюридами для знаменитого ученого подвижника 9 в., теолога, хадисоведа Мухаммада Ибн Иса Ибн Савра ибн Муса ибн ад-Даххак Абу Иса ас-Сулами ал Буги ат-Термези.

Благодаря богатому научному наследию, ставшему достоянием всего научного мусульманского мира, и заповедям, обладающим высоконравственным потенциалом, актуальными во все времена идеалом милосердия, любви к человеку, имя ат-Термези чтимо и сегодня.



Лидия Ртвеладзе  
Эдвард Ртвеладзе

МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯТЫНИ УЗБЕКИСТАНА

Редактор  
Художник и художественный редактор  
Фотографы

А. И. Кременцова  
А. Бурханов  
А. Зуев, В. А. Клепко,  
А. Сулейманов, В. Телегин, Р. Яруллин

Сдано в набор 23.08.1995. Подписано в печать 13.10.1995. Формат 70x90  $\frac{1}{16}$ . Объем уч. изд. л. 6,0. Объем печ. л. 6,5. Объем усл. прив. 7,58. Тираж 5000. Заказ № 4186.

Главная редакция энциклопедий  
700129 Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического концерна «Шарк». 700083, Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.



Мусульманские  
СВЯТЫНИ  
**Узбекистана**

---

